УДК 821.161.1
5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)

А.А. Марчук
Кузбасский гуманитарно-педагогический институт
Кемеровского государственного университета

СПЕЦИФИКА ХРОНОТОПА В СТИХОТВОРЕНИИ Е.А. ЕВТУШЕНКО «ИЗ ВОДЫ ВЫХОДИЛА ЖЕНЩИНА…»

Статья посвящена анализу хронотопа в стихотворении Е.А. Евтушенко «Из воды выходила женщина…». Психологический хронотоп лирического субъекта рассматривается в рамках композиционного анализа.

Е.А. Евтушенко, русская литература XX века, личностный хронотоп, интимная лирика, образ женщины, образ воды, композиционный анализ.

В стихотворениях старших символистов, посвященных культу женщины, («Дышали твои ароматные плечи…», «Мы с тобой сплетемся в забытьи…», «Я войду в зачарованный грот…», «Хочу» К.Д. Бальмонта; «Ее колени», «С губами сладко упивающимися…» В.Я. Брюсова) впервые в отечественной литературе изображается синтез душевной близости и физического слияния. Можно предположить, что эту традицию продолжает Е.А. Евтушенко в ряде произведений 1950–1960-х годов. Эротическая подробность, предельная откровенность – репрезентанты любовного переживания в творчестве советского поэта [4, с. 39].

Для анализа выбрано малоизученное стихотворение Евтушенко – «Из воды выходила женщина…» (1958 г.). В статье С.В. Семеновой «Образ женщины в ранней лирике Евтушенко» (2018 г.) обзорно рассматриваются телесные детали, создающие многогранность образа героини. Однако неординарные пространственно-временные отношения в тексте остаются неисследованными.

Чувственная приватность в стихотворении реализуется посредством психологического (личностного) хронотопа, предложенного П.Х. Торопом [8]. Время и пространство в анализируемом тексте формируются в сознании лирического «Я».

Психологическое время, исчисляемое субъектом произведения с момента встречи с девушкой, находит отражение в нелинейной композиции: настоящее сосуществует с прошлым и будущим. Таким образом, основная цель статьи – раскрытие изменений личностного хронотопа лирического «Я» в рамках композиционного исследования текста.

Значительная часть стихотворения (с 1-й по 4-ю строфы) написана по принципу ретроспекции: лирический субъект вспоминает день, когда возникла его неразделенная любовь к выходящей из воды женщине. Грамматическим показателем категории ретроспекции является использование форм глагола прошедшего времени несовершенного вида единичного действия [1, с. 80]:

Из воды ***выходила***[1] женщина,
Удивленно глазами кося.
Выходила свободно, торжественно,
Молодая и сильная вся.
Я ***глядел*** на летящие линии…
Рядом громко ***играли*** в «козла»,
Но тяжелая белая лилия
Из волос ее черных ***росла***.
Шум и смех пораженной компанийки:
«Ишь ты, лилия – чудеса!» –
А на синем ее купальнике
Бились алые паруса.
Шла она, белозубая, смуглая,
Желтым берегом наискосок,
Только ***слышались*** капли смутные
С загорелого тела – в песок… [2, с. 334].

Обращение к прошлому позволяет лирическому «Я» переместиться в иллюзорное пространство – на берег водоема. Прибрежье в произведении – граница между вещественным и ирреальным мирами.

Сфера предметного – место досуга «компанийки». Уничижительно-оценочный окказионализм воплощает противопоставление лирического «Я» и толпы, играющей в «козла». Субъект произведения – одинокий рефлексирующий созерцатель, стремящийся обрести гармонию в несовершенной действительности посредством воспоминаний об идеальной женщине. «Компанийка» – филистерская масса, не отличающаяся душевной глубиной и относящаяся к женскому полу грубо и надменно. Образ обывателей воспроизводится неотчетливо, фрагментарно: лирический субъект, намереваясь умолчать взволнованность и активизацию инстинктов при наблюдении за силуэтом девушки, вспоминает «компанийку».

Мистическое пространство создается вследствие слияния женского портрета с образом воды. Истоки этого архетипа – русский фольклор. Именно образы девушек (стирающих белье, купающихся) традиционно контактируют с водой: такое взаимодействие активизирует половые потребности мужчин [6, с. 262].

Мотив «женщина и вода» находим и в других текстах Евтушенко. Так, в стихотворении «Маша»

[1] Полужирным курсивом обозначены примеры форм глагола прошедшего времени несовершенного вида единичного действия.

(1958 г.) восторженный юноша очарован силуэтом взрослеющей девочки, гуляющей на берегу моря:

Вдоль моря быстро девочка проходит,
Бледнея, розовея и дичась.
В ней все восходит… Что с ней происходит?

В ней возникает женщина сейчас. Она у моря тапочки снимает,

Вступает, словно в музыке, в него,
И все она на свете понимает,
Хотя не понимает ничего… [2, с. 253].

Грациозность фигуры и богатство внутреннего мира представительниц прекрасного пола сопоставляется с красотой и бездонностью моря и в зрелом произведении Евтушенко «Женщина – особенное море» (1972 г.):

Женщина всегда чуть-чуть, как море.
Море в чем-то женщина чуть-чуть.
Ходят волны где-нибудь в каморке,
Спрятанные в худенькую грудь… [3, с. 337].

Предположим, что образ героини в стихотворении «Из воды выходила женщина…» имеет мифологический остов. С одной стороны, восходит к «Легенде об Афродите», родившейся из морской пены. С другой – сопоставим с восточнославянской русалкой и скандинавской ундиной. Действительно, лирическое «Я» видит в объекте любви не земную женщину, а иномирную, созданную воображением, богиню красоты. Но привлекательная внешность девушки катастрофична для субъекта произведения: он страдает от невозможности забыть встречу. Гибель наивных юношей, поддавшихся соблазнам русалок, соотносится с внутренним разрушением лирического «Я», тоскующего от неразделенной любви.

Иллюстрацией амбивалентности образа героини является белая лилия, вплетенная в ее волосы. В античной традиции это один из атрибутов Афродиты, символизирующий целомудрие и чистоту чувств [7, с. 121]. Альтернативно флористический образ интерпретируется в египетском и немецком фольклоре: лилия – воплощение душ умерших, потусторонних сил [5, с. 104]. Экзальтированный, поэтически восторженный лирический субъект видит женщину искаженно: за ее живописной внешностью маскируется инфернальная сущность.

Ключевая деталь в образе девушки – синий купальник «с алыми парусами». Вероятно, колоративы отражают запросы лирического «Я». Синий цвет, восходящий к сказке М. Метерлинка, воплощает недосягаемые грезы субъекта произведения: героиня, облаченная в синий купальник, – далекое мнимое блаженство. Метафора «алые паруса», называющая колышущиеся от ветра красные ленты, пришитые к купальнику, – репрезентант предвкушения встречи с объектом любви.

В 5-й и 6-й строфах пространственно-временные координаты трансформируются. Наглядное, зримое, конкретное пространство прошлого преобразуется в сферу абстрактных настоящего и будущего.

Грамматическим показателем категории проспекции является использование форм глагола будущего времени несовершенного вида неограниченно-кратного действия и глагола будущего времени совершенного вида наглядно-примерного значения [1, с. 218]:

… ***Будет***[2] в жизни хорошее, скверное,
Будут годы дробиться, мельчась,
Но и нынче я знаю, наверное,
Что ***<u>увижу</u>***[3] я в смертный мой час.
Будет много святого и вещего,
Много радости и беды,
Но ***<u>увижу</u>*** я эту женщину,
Выходящую из воды… [2, с. 334].

Лирический субъект, некогда обольщенный очарованием девушки, обречен на пожизненные страдания об односторонних чувствах. Он регулярно вспоминает иллюзорную женщину, прогнозирует встречу с ней в будущем.

Стихотворение начинается и завершается предложно-падежным сочетанием «из воды» – образуется композиционное кольцо, символизирующее душевный надлом лирического «Я», неспособного материализовать мнимый предмет любви. Субъект произведения пребывает в статике: он путешествует во времени и пространстве подсознательно, обращаясь к воспоминаниям или предрекая грядущее.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарко, А. В. Вид и время русского глагола (значение и употребление) : пособие для студентов / А. В. Бондарко. – Москва : Просвещение. – 1971. – С. 79–89, 217–219.

2. Евтушенко, Е. А. Взмах руки. Стихи / Е. А. Евтушенко. – Москва : Молодая гвардия. – 1962. – С. 253–255, 334.

3. Евтушенко Е. А. Избранные произведения. В 2 томах. Том 2. 1966–1974. Стихотворения и поэмы / Е. А. Евтушенко – Москва : Художественная литература. – 1980. – С. 337–338.

4. Козлова, А. Г. Особенности воплощения темы любви в поздней лирике Евгения Евтушенко / А. Г. Козлова // Русская филология. – 2016. – № 4. – С. 38–43.

5. Макарова, И. С. Образы лотоса и лилии в мифологических системах востока и запада / И. С. Макарова // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. – 2013. – № 4. – С. 99–106.

6. Неклюдов, С. Ю. Мосты, река и берега: от мифа к поэтике / С. Ю. Неклюдов // Новое литературное обозрение. – 2022. – № 2 (174). – С. 254–275.

7. Солоницына, М. Н. Символика лилии в европейской художественной культуре / М. Н. Солоницына // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2015. № S18. – С. 121–125. – URL: http://e-koncept.ru/2015/75262.htm (дата обращения: 19.08.2025). – Текст : электронный.

8. Тороп, П. Х. Хронотоп / П. Х. Тороп // Словарь терминологии тартусско-московской семиотической школы / составление Я. Левченко ; под руководством И. А. Чернова. – URL: http://slovar.lib.ru/dictionary/hronotop.htm (дата обращения: 17.08.2025). – Текст : электронный.

[2] Полужирным курсивом обозначены примеры форм глагола будущего времени несовершенного вида неограниченно-кратного действия.

[3] Полужирным курсивом с нижним подчеркиванием обозначены примеры форм глагола будущего времени совершенного вида наглядно-примерного значения.

A.A. Marchuk

CHRONOTOPE SPECIFICITY IN THE POEM BY E.A. YEVTUSHENKO "A WOMAN CAME OUT OF THE WATER..."

The article is devoted to the analysis of the chronotope in the poem by E.A. Yevtushenko "A woman came out of the water…". The psychological chronotope of the lyrical subject is considered within the framework of compositional analysis.

E.A. Yevtushenko, Russian literature of the 20th century, personal chronotope, intimate lyrics, image of a woman, image of water, compositional analysis.